

Федор Тютчев

НЕ РАЗ ТЫ СЛЫШАЛА
ПРИЗНАНЬЕ...

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Федор Иванович Тютчев
Не раз ты слышала
признание...
Серия «Любовная лирика»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63407672

Не раз ты слышала признание...: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09018-8

Аннотация

«Когда-то Тургенев, Некрасов... едва смогли уговорить меня прочесть Тютчева, но зато когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта», – писал Лев Толстой об одном из лучших русских поэтов XIX века. Федор Иванович Тютчев – удивительно лирический поэт. Его стихотворения полны светлой грусти, печали и романтизма. Любовь для Тютчева – удивительное, волнующее и неподвластное контролю чувство, посланное свыше... Федор Иванович – один из самых образованных и остроумных людей своего времени. В своих произведениях он виртуозно изображает красоту природы, жизни и мира, заставляя читателя сопереживать прочитанному.

Содержание

Сильный и самобытный талант	7
«О, как убийственно мы любим»	10
Предопределение	12
Стихи для Амалии фон Крюденер – первой любви Тютчева	13
К. Н.	13
«Я помню время золотое...»	15
К. Б.	17
Стихи для Элеоноры Тютчевой – первой жены Тютчева	19
Cache-cache[1]	19
«Еще томлюсь тоской желаний...»	21
В часы, когда бывает...	22
Стихи для Эрнестины Федоровны – второй жены Тютчева	24
«Восток белел. Ладья катилась...»	24
«Люблю глаза твои, мой друг...»	25
«И чувства нет в твоих очах...»	26
Мечта	27
«Не знаю я, коснется ль благодать...»	29
«В минуты нашего свиданья...»	30
«Она сидела на полу...»	31
«Все отнял у меня казнящий Бог...»	32

«Денисьевский цикл»	33
«Пошли, господь, свою отраду...»	33
На Неве	35
«Как ни дышит полдень знойный...»	36
«Под дыханьем непогоды...»	37
«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»	38
«Не раз ты слышала признание...»	39
«О, как убийственно мы любим...»	40
«Сияет солнце, воды блещут...»	42
«Я очи знал, – о, эти очи!...»	43
«О, не тревожь меня укорой справедливой!...»	44
«Чему молилась ты с любовью...»	45
Последняя любовь	46
«О вещая душа моя!...»	47
«Пламя рдеет, пламя пышет...»	48
«Весь день она лежала в забвении...»	49
«Когда на то нет божьего согласия...»	50
«Есть и в моем страдальческом застое...»	51
«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»	53
Накануне годовщины 4 августа 1864 г.	54
«Нет дня, чтобы душа не ныла...»	55
Стихи о любви разных лет	56
«Уста с улыбкою приветной...»	56
«Сей день, я помню, для меня...»	57
К N.N.	58
«С какую негою, с какой тоской	60

влюбленной...»	
«Я знал ее еще тогда...»	61
«Радость и горе в живом упоенье...»	62
«Как бестолковы числа эти...»	63
«Тебе, болящая в далекой стороне...»	64
«Вот свежие тебе цветы...»	66
«Нам не дано предугадать»	67
Урания[2]	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Федор Тютчев
Не раз ты слышала
признание...

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Сильный и самобытный талант

Федор Иванович Тютчев (1803–1873) вошел в историю русской литературы как высоко одаренный лирический поэт, выразивший в своем творчестве романтическое понимание душевной жизни человека и жизни природы.

Тютчев стоит особняком в русском поэтическом пантеоне. Тютчевское поэтическое слово воплотило в себе поистине неисчерпаемое богатство художественного смысла, хотя основной фонд наследия поэта – это всего лишь около двухсот лаконичных стихотворений. Лирика Тютчева пропитана тревогой. Мир, природа, человек предстают в его стихах в постоянном столкновении противоборствующих сил. Человек обречен на «безнадежный», «неравный» бой, «отчаянную» борьбу с жизнью, роком, самим собой.

Дарование Тютчева, который охотно обращался к стихийным основам бытия, само имело нечто стихийное. Идейное содержание философской лирики Тютчева значительно не столько своим разнообразием, сколько глубиной. Наименьшее место занимает здесь лирика сострадания, представленная, однако, такими захватывающими произведениями, как «Слезы людские» и «Пошли, Господь, свою отраду». Пределы, поставленные человеческому познанию, ограниченность знания «человеческого Я», слияния человека с жизнью природы, описания природы, нежное и безотрадное признание

ограниченности человеческой любви – таковы господствующие мотивы философской поэзии Тютчева.

Есть еще один мотив – это мотив хаотической, мистической первоосновы жизни. В этом мотиве отражается вся поэзия Тютчева. Описания природы и отзвуки любви проникнуты у Тютчева этим сознанием: за всем этим скрывается их роковая сущность, таинственная, отрицательная и страшная. Поэтому его философское раздумье всегда пронизано грустью, тоскливым сознанием своей ограниченности и преклонением пред неустранимым роком.

«О Тютчеве не спорят: кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии...» «Тютчев может сказать себе, что он... создал речи, которым не суждено умереть», – писал Иван Тургенев. Лев Толстой называл Тютчева среди своих любимых поэтов, говорил, что «без него нельзя жить»: «Когда-то Тургенев, Некрасов... едва смогли уговорить меня прочесть Тютчева, но зато когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта». Федор Достоевский считал, что «Тютчев – первый поэт-философ, которому равного не было, кроме Пушкина». Некрасов «ручался» за то, что небольшую книгу тютчевских стихов «каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения». В тяжелые годы пребывания «в людях» Максима Горького – годы нужды и борьбы за жизнь – стихотворения Тютчева «вымыли» ему «душу, очистив ее от ше-

духи впечатлений нищей и горькой действительности» и научили его понимать, «что такое хорошая книга».

Сам поэт относился к своему литературному успеху в достаточной мере безучастно.

В наш век стихи живут два-три мгновенья.
Родились утром, к вечеру умрут.
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.

А.С. Пушкин поместил в 1836 году в «Современнике» цикл его стихотворений – 16 стихотворений под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии».

При жизни поэта вышло всего два сборника его стихотворений, в 1854 и 1868 годах.

«О, как убийственно мы любим»

Любовная лирика занимает особое, отдельное место во всей творческой деятельности Тютчева. Он был счастлив в любви, любил с ранней молодости до самой старости. Пора влюбленности для поэта – это золотое время. Союз двух душ, считает Тютчев, не зависит от самих людей, а предопределен судьбой, но ею же предсказан и трагический конец этого союза.

Любовной лирике Тютчева, как это ни удивительно, свойственна горечь и трагедия. Переживания здесь необыкновенно остры. В действительности разные женщины вдохновляли Тютчева на написание его любовных стихотворений, но эти женщины сливаются в один образ. Во всех его любовных стихах раскрывается образ женщины, которая «одной заветной предалась любви» и осталась верна ей «наперекор людям судьбе». Сам образ этой женщины наделен ярко индивидуальными чертами, но эти черты не детализированы. Поэт не говорит даже, красива она или нет. Даже говоря «изящно-дивные черты» Тютчев показывает не внешность, а внутреннюю красоту женщины. Наверное, поэтому поэта всегда привлекали выражение глаз и улыбка. Тютчев всегда считал, что открытый и честный женский взгляд обезоруживает самое упорное «злоречие». В глазах он всегда читал всю сложность душевных переживаний женщины.

В своих лирических произведениях поэт полностью открыт и честен с каждой из своих возлюбленных – он не стесняется своих чувств даже несмотря на то, что они далеко не всегда оказываются взаимны. Он воспевает каждую свою любовь и выражает искреннюю благодарность дамам за возможность почувствовать себя влюбленным как мальчишка – наверное, именно это и говорит о тонкой душевной организации поэта, наверное, именно это и открывает глубины его души.

Женщина в стихах Тютчева выше, сильнее и самоотверженнее мужчины. Этим объясняется то, что не «он», а «она» является центром любовной лирики Тютчева. Поэт ярко нарисовал внутреннее превосходство женщины. Женщина в стихах Тютчева – это источник глубокого и постоянного чувства.

В последние годы жизни в лирике Тютчева утверждалась мысль о том, что любовь, даже трагическая, – символ подлинного человеческого существования, без которого жизнь немыслима. В любовной лирике Тютчева прослеживается сложная жизнь сердца. По Тютчеву, только любовью можно спастись и «в старости глубокой», только в любви заключается смысл человеческого существования.

Предопределение

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их соединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье.
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает наконец...

Между шолем 1850 и серединой 1851

Стихи для Амалии фон Крюденер – первой любви Тютчева

К. Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог – увы! – умиловить их –
Он служит им укрою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горе духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

«Я помню время золотое...»

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит.

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Апрель 1836

К. Б.

Я встретил вас – и все бывшее
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, –

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Стихи для Элеоноры Тютчевой – первой жены Тютчева

Cache-cache¹

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?
О! кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась Сильфида моя?..
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.
Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!
Не арфы ль твоей мне слышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.
Как пляшут пылинки в полдневных лучах!
Как искры живые в родимом огне!

¹ Cache-cache (*фр.*) – игра в прятки.

Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.
Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

1828

«Еще томлюсь тоской желаний...»

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

Написано в 10-ю годовщину смерти Элеоноры Федоровны

В часы, когда бывает...

В часы, когда бывает
Так тяжко на груди –
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди –
Без сил и без движенья
Мы так удручены,
Что даже – утешенья
Друзей – нам не смешны, –
Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет искрометной
Струю по стенам;
И с тверди благосклонной,
С лазоревых высот,
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет –
Уроков и советов
Они нам не несут –
И от судьбы наветов
Они нас не спасут –
Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать –
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать –
Так мило-благодатна,

Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была...

1858

Написано в 20-ю годовщину кончины Элеоноры Федоровны

Стихи для Эрнестины Федоровны – второй жены Тютчева

«Восток белел. Ладья катилась...»

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало, –
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало, –
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...

Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя, –
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

1835

Написано во время увлечения Эрнестиной

«Люблю глаза твои, мой друг...»

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

Апрель 1836

Написано во время увлечения Эрнестиной

«И чувства нет в твоих очах...»

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

Апрель 1836

Написано во время увлечения Эрнестиной

Мечта

«Что подарить в такое время года?
Холодный вихрь обрушился на луг –
И нет цветов. Безмолвствует природа.
Пришла зима. Все вымерло вокруг».

И взяв гербарий милой мне рукою,
Перебирая хрупкие цветы,
Вы извлекли из сонного покоя
Все прошлое любви и красоты.

Вы разбудили то, что незабвенно,
Вы воскресили молодость и пыл
Минувших дней, чей пепел сокровенный
Гербарий этот бережно хранил.

На два цветка ваш выбор пал случайный, –
И вот они, без влаги и земли,
В моей руке, подвластны силе тайной,
Былые краски снова обрели.

Цветы живут и шепчут: «Посмотри-ка,
Красивы мы, и ярок наш наряд»...
Сверкает роза, искрится гвоздика,
И вновь от них струится аромат.

Кто два цветка живой наполнил силой?
В чем тут секрет, – спросили вы меня.
Открыть его? Зачем же, ангел милый?
Вы просите? Ну что ж, согласен я.

Когда цветок, дар мимолетный, тленный,
Утратил краски, сник и занемог –
К огню его приблизьте, и мгновенно
Вновь расцветет зачахнувший цветок.

Такими же мечты и судьбы станут,
Когда часы последний час пробьют...
В душе у нас воспоминанья вянут,
Приходит смерть – и вновь они цветут.

7 октября 1847

Написано на французском языке, перевод М.П. Кудинова

«Не знаю я, коснется ль благодать...»

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была –
Ты, ты, мое земное провиденье!..

Апрель 1851

«В минуты нашего свиданья...»

В минуты нашего свиданья
Услышать более всего
Хочу твои воспоминанья
Про годы детства Твоего.

Я за тобой пойти намерен
На тайный край бегущих вод,
Чтоб увидеть счастливый берег
И светом полный небосвод.

Где над волной, не зная бури,
Цветут весенние цветы,
Где в глубине речной лазури
Твои купаются мечты.

О, поделись своим наследством –
Виденьем золотого сна,
Где пахнет солнцем, пахнет детством
Невыразимая весна!

12 апреля 1851

Написано на французском языке, перевод В.А. Кострова

«Она сидела на полу...»

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала –
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала –

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела –
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, –
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Апрель 1858

«Все отнял у меня казнящий Бог...»

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.

1873

«Денисьевский цикл»

«Пошли, господь, свою отраду...»

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой –

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.

Пошли, господь, свою отраду

Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

На Неве

И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездой
Он скользит как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Пышноструйная волна,
Приюти в твоём просторе
Тайну скромного челна!

Июль 1850

«Как ни дышит полдень знойный...»

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где всё тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

Июль 1850

«Под дыханьем непогоды...»

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом –
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом,

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И – уносит их поток...
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

12 августа 1850

«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я –
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

*Между шолем 1850 и серединой 1851
Написано от лица Е.А. Денисьевой*

«Не раз ты слышала признание...»

Не раз ты слышала признание:

«Не стою я любви твоей».

Пускай мое она созданье –

Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею

Мне больно вспомнить о себе –

Стою, молчу, благоговею

И поклоняюсь тебе...

Когда порой так умиленно,

С такою верой и мольбой

Невольно клонишь ты колени

Пред колыбелью дорогой,

Где спит она – твое рождение –

Твой безымянный херувим, –

Пойми ж и ты мое смирение

Пред сердцем любящим твоим.

После 21 мая 1851

«О, как убийственно мы любим...»

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

«Сияет солнце, воды блещут...»

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

28 июля 1852

«Я очи знал, – о, эти очи!..»

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их, – знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.
В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!
Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.
И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Между шолем 1850 и серединой 1851

«О, не тревожь меня укорой справедливой!..»

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я –
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.
И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою –
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

Между шолем 1850 и серединой 1851

«Чему молилась ты с любовью...»

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.
Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилия
Бессмертной пошлости людской!

Между шолем 1850 и серединой 1851

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, –
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.
Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Между серединой 1851 и началом 1854

«О вещая душа моя!..»

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

«Пламя рдеет, пламя пышет...»

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики –
Я брожу как бы во сне, –
Лишь одно я живо чую –
Ты со мной и вся во мне.
Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю;
Слава Богу, я с тобою,
А с тобой мне – как в раю.

10 июля 1855

«Весь день она лежала в забытьи...»

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь – его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала – увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседа с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»

.....

Любила ты, и так, как ты, любить –
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...

Октябрь или первая половина декабря 1864

«Когда на то нет божьего согласия...»

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, –
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

11 января 1865

«Есть и в моем страдальческом застое...»

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг все замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу –
Разбитый челн, брошенный волною,
На безымянном диком берегу.

О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей –
Ты взял ее, но муку вспоминая,

Живую муку мне оставь по ней, –

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе;

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить;
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

Конец марта 1865

«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

1865

«Нет дня, чтобы душа не ныла...»

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, –

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

23 ноября 1865

Стихи о любви разных лет

«Уста с улыбкою приветной...»

Уста с улыбкою приветной,
Румянец девственных ланит
И взор твой светлый, искромётный –
Все к наслаждению манит...
Ах! этот взор, пылая страстью,
Любовь на легких крыльях шлет
И некою волшебной властью
Сердца в чудесный плен влечет.

1830

«Сей день, я помню, для меня...»

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

1830

Кому посвящено стихотворение – не установлено

К N.N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь –
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж –
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красотой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих молодых ланит –
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой!

1830

Кому посвящено стихотворение – не установлено

«С какою негою, с какою тоской влюбленной...»

С какою негою, с какою тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!
Вдруг, от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц –
И на руки к нему глава твоя склонялась,
И матери нежней тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось –
И тих и сладок был твой сон.
А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,
Иль в сон иной бы перешла.

«Я знал ее еще тогда...»

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

27 марта 1861

Кому посвящено стихотворение – не установлено.

«Радость и горе в живом упоенье...»

Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волнении,
В небе ликуя, томясь на земли,
Страстно ликующей,
Страстно тоскующей,
Жизни блаженство в одной лишь любви...

1870

«Как бестолковы числа эти...»

Как бестолковы числа эти,
Какой сумбур в календаре;
Теперь зима уж на дворе,
А мне вот довелось во всем ее расцвете,
В ее прелестнейшей поре,
Приветствовать Весну лишь в позднем ноябре.

1872

«Тебе, болящая в далекой стороне...»

Тебе, болящая в далекой стороне,
Болящему и страждущему мне
Пришло на мысль отправить этот стих,
Чтобы с веселым плеском волн морских
Взлетело бы тебе в окно,
Далекий отголосок вод родных,
И слово русское хоть на одно мгновенье
Прервало для тебя волн средиземных пенье,
Из той среды далеко не чужой,
Которой ты была любовью и душой,
Где и поднесь с усиленным вниманьем
Следят твою болезнь сердечным состраданьем,
Будь ближе, чем когда, душе твоей присущ
Добрейший из людей, чистейшая из душ,
Твой милый, добрый, незабвенный муж!
Душа, с которою твоя была слита,
Хранившая тебя от всех соблазнов зла;
С которой заодно всю жизнь ты перешла,
Свершая честно трудный подвиг твой
Примерно-христианскою вдовой!
Привет еще тебе от тени той,
Обоим нам и милой, и святой,
Которая так мало здесь гостила,
Страдала храбро так – и горячо любила,
Ушла стремглав из сей юдоли слез,

Где ей, увы! – ничто не удалось –
По долгой, тяжелой, истомительной борьбе
Прощая все и людям, и судьбе.
И свой родимый край так пламенно любила,
Что, хоть она и воин не была,
Но жизнь свою отчизне принесла;
Вовремя с нею не могла расстаться,
Когда б иная жизнь спасти ее могла!

1873

«Вот свежие тебе цветы...»

Вот свежие тебе цветы
В честь именин твоих, –
Еще цветы я рассылаю,
А сам так быстро отцветаю.
Хотелось бы собрать пригоршню дней,
Чтобы сплести еще венок
Для именинницы моей.

20 апреля 1873

Дочери Дарье Федоровне

«Нам не дано предугадать»

Особо ценным качеством любого поэта является понимание связи человека с бесконечностью. Глубокие личные переживания находят воплощение в стихотворениях на разные темы, но в творчестве Тютчева они сконцентрировались в особую философскую категорию. Концепция мира и человека – особое мировоззрение, которое направлено на то, чтобы понять место человеческого существа во Вселенной и найти те идеалы поведения, которые помогут достичь гармонии, золотой середины в жизни человека. Тютчев посвятил не один час раздумий поиску ответа на вопрос, каким должно быть отношение человека и мира. Его несомненной заслугой было создание поэзии мысли, поэзии философской. Поэтика Тютчева постигает начала и основания бытия.

Тютчеву было свойственно стремление разгадать тайны мироздания или хотя бы приблизиться к ним, коснуться. Мироздание вечно, на фоне его человеческая жизнь – ничто. С годами это начинает все больше тревожить Тютчева. Он приходит к мысли о «бесполезности» человеческого существования. Бесспорен тот факт, что каждого ожидает полное уничтожение и растворение в бесконечности природы. Поэт мало размышлял о смерти как таковой, она для него была, скорее, некой противоположностью жизни, мгновенным переходом от яркого, насыщенного, ужасающе краткого чело-

веческого существования к небытию. Человеку не дано постичь высшую истину, ему можно лишь приблизиться к ее решению.

Тютчев воспринимал мир как древний хаос, как первозданную стихию. А все видимое, сущее лишь временное порождение этого хаоса. С этим связано обращение поэта к ночной тьме. Именно ночью, когда человек остается один на один перед вечным миром, он остро чувствует себя на краю бездны и особенно напряженно переживает трагедию своего существования. Стихотворения «Святая ночь», «О чем ты воешь, ветер ночной», «О, вещая душа моя», «Как океан объемлет шар земной», «Ночные голоса», «Ночное небо», «День и ночь», «Безумие» представляют собой единственную в своем роде лирическую философию хаоса, стихийного безобразия и безумия.

Жизнь полна противоречий, и поэзия Тютчева говорит нам о них мелодично, необычайно красиво и правдиво. Человек приходит в этот мир быть счастливым, жить в гармонии с природой, с окружающим и с самим собой. Но в действительности оказывается все наоборот: грусть, тоска, безвременный уход и угрызения совести у оставшихся.

Урания²

Открылось! – Не мечта ль? Свет новый! Нова сила
Мой дух восторженный, как пламень, облекла!
Кто, отроку, мне дал парение орла! –
Се муз бесценный дар! – се вдохновенья крыла!
Несусь, – и дольный мир исчез передо мной, –
Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой, –
Исчез! – Как солнца луч золотой,
Коснулся вежд эфир небесный...
И свеял прах земной...
Я зрю превыспренных селения чудесны...
Отсель – отвергшимся таинственным вратам –
Благоволением судьбины
Текут к нам дщери Мнемозины,
Честь, радость и краса народам и векам!..

Безбрежное море лежит под стопами,
И в светлой лазури спокойных валов
С горящими небо пылает звездами,
Как в чистом сердце – лик богов;
Как тихий трепет – ожиданье;

² Урания – одна из девяти муз, покровительница астрономии (греч. мифол.), отсюда образ: «И звездный венец на богине горит» и другие образы звездного неба в стихотворении. Один из эпитетов Урании – «Небесная».

Окрест священное молчанье.
И се! Как луна из-за облак, встает
Урании остров из серебряной пены;
Разлился вокруг немерцающий свет,
Богинь улыбкою рожденный...
Несутся свыше звуки лир;
В очарованьях тонет мир!..
Эфирного тени сложив покрывала
И пояс волшебный всемогущих харит,
Здесь образ *Урания* свой восприняла,
И звездный венец на богине горит!
Что нас на земле мечтою пленяло,
Как *Истина*, то нам и здесь предстоит!

Токмо здесь, под ясным небосклоном
Прояснится жизни мрачный ток;
Токмо здесь, забытый Аквилонем,
Льется он, и светел и глубок!
Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,
Вечно юн Поэзии венок!..

Как Фарос для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут *Небесныя* храм; –
И *Мудрость* приветствует горним плененных
Вкусить от трапезы питательной там.
Окрест благодатной в зарях златоцветных,
На тронах высоких, в сиянье богов,
Сидят велелепно спасители смертных,

Создатели блага, устройства, градусов;
Се *Мир* вечно-юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижимыми вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, *Благосердие*, скорби отрада!
Ты, *Верность*, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне – отчизны ограда,
И хладная *Доблесть* с горящим мечом;
Ты, с светлыми вечно очами, *Терпенье*,
И *Труд*, неуклонный твой врач и клевет...
Так вышние силы свой держат совет!..

Средь них, вокруг них в святом благоговенье
Свершает по холмам облаковидных гор
В кругах таинственных теченье
Наук и знаний светлый хор...
Урания одна, как солнце меж звездами,
Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещение;
Где прежде мрачна ночь была,
Там светозарна дня явленье;

как звезд река, по небосклону вокруг
Простершись, оно вселенну обнимает
И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг...
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!

Урания, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем векам? –
Восток таинственный! – Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце врат
Рожденья своего обителью надменно
Исходит и течет, царь томный и сомнительный...
Где Вавилоны здесь, где Фивы? – где мой град?
Где славный Персеполь? – где Мемнон, мой глашатай?
Их нет! – Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
По мшистым ребрам пирамид...
Сокройся, брэнного величья мрачный вид!..
И солнце в путь стремится дальний:
Эгея на берегах приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады
Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады;
Его во гимнах звал Певец к себе слепой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;
Удары гибельны Ареевой десницы,
И сладки песни пастухов; –
Рим встал, – и Марсов гром и песни сладкогласны
Стократ на Тибровых раздалися холмах;
И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет вечный на морях!..

Но что сретаает взор? – Куда, куда ты скрылась,

Небесная! – Бежит, как бледный в мгле призрак,
Денница света закатилась,
Везде хаос и мрак!
«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
И не умрет!..» –
Рекла *Урания* и скиптром помавает,
И бледную, изъязвленную главу
Италия от склеп железных освобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву!..
Всего начало здесь!.. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозная ужасная краса!
Все возвратили вы, что в ярости несытой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,
Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы
Победу и венец; –
Там нимфы Тага, там валы Гвадалквивира
Во сретенье текут тебе, молодой Певец,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.